

Из этой четверки Лан Е прятался лучше всех. Он всегда с легкостью предугадывал, куда именно прыгнет Сюн Мао, и медвежонку ни разу не удалось его застать врасплох, хотя Лан Е после каждого уворота непременно возвращался, чтобы погладить того по голове. Майер был самым вредным: он всегда с улыбкой встречал медвежьи атаки, а затем, подловив момент, опрокидывал Сюн Мао боковым броском. Ся Ци действовал искуснее всех — каждый раз казалось, что Сюн Мао его настиг, но стоило тому коснуться цели, как Ся Ци мгновенно гасил инерцию прыжка. А вот Принцесса попадалась чаще всего: то ли ей было весело играть в догонялки, то ли она боялась, что из-за своей огромной силы случайно навредит маленькому комочку.

Фиби в подобных играх не участвовала. Во-первых, Сюн Мао не спешил прыгать на дам, а во-вторых, ее почти невозможно было встретить вне обеденного перерыва.

Никто не знал, чем занята эта богиня. Иногда Сюн Мао, не желая гулять в одиночку, цеплялся за Мо Цяня и других ребят и отправлялся с ними на восточную тренировочную площадку понаблюдать за их эффектными упражнениями, но Фиби там не видел ни разу.

Фиби тоже обладала способностями, но никогда не тренировалась. По ее словам, огненный дар — вещь бесполезная, ведь обычный огнемет или множество других высокоэнергетических орудий накрывают цель мгновенно, не говоря уже о том, что ее настоящий талант заключался вовсе не в ближнем бою. Говорили, что ее отец, господин генерал, тоже не блистал силой дара, а своего высокого поста и стабильного положения добился благодаря выдающимся военным навыкам и жестким методам управления.

Но если кто и проявлял к еде такой же энтузиазм, как Сюн Мао, так это она. Отношения Фиби с Ся Ци казались медвежонку странными: иногда они выглядели очень близкими, а иногда — как заклятые враги. Правда, чаще всего оба состояния исходили в одностороннем порядке от самой дамы. Но даже если она смотрела на Ся Ци с такой ненавистью, будто готова была вырвать тарелку у него из рук, она упрямо старалась занять место именно рядом с ним.

Сюн Мао слышал, как Принцесса шепталась с Лан Е о том, что не выносит кисло-сладкого запаха, исходящего от этой парочки. Медвежонку очень хотелось спросить, о каком запахе речь, ведь он ровным счетом ничего не чувствовал. Будучи в прошлой жизни скучным мужчиной, сосредоточенным лишь на учебе и работе, он не мог понять, что это был тот самый специфический душок влюбленности в глазах одинокого холостяка. Хотя попытки Фиби соблазнить Ся Ци все еще оставались лишь ее стратегической целью.

Впрочем, последние два дня Сюн Мао и вовсе перехотел выходить из дома. К своему ужасу, он обнаружил, что не успел еще сменить все зубы, как началась линька!

Когда это только началось, шерсть летала повсюду, и комочек метался из стороны в сторону. Даже Мо Цянь занервничал. Все решили, что медвежонок начал терять шерсть клочьями. Почему это происходит? Может, он съел что-то не то? Неужели он подхватил какую-то серьезную болезнь?

Спокойный и всегда уравновешенный военачальник с огромной скоростью влетел в кабинет военного врача, прижимая к себе свое загадочное и величественное боевое животное. Когда он его опустил, на черном форменном кителе военного не осталось живого места — он был сплошь покрыт белесыми пушинками.

Очередной раунд обследований. Наконец, врач с раздраженным и в то же время озадаченным видом произнес: — Это просто линька. Новая шерсть, более жесткая и маслянистая, сменит нынешний пух, и защитные свойства станут куда лучше. Теоретически, менять шерсть в таком возрасте рановато, но никаких признаков патологии нет. Нужно понаблюдать за состоянием в ближайшее время.

По пути назад Мо Цянь спросил: — Может, это из-за того, что он много ест и получает слишком много питательных веществ?

Сюн Мао испугался, но, к счастью, урезать рацион ему не стали.

Линька — дело не только хлопотное, но и неэстетичное. В отличие от смены зубов: пока пасть закрыта, никто ничего не заметит.

Сюн Мао совсем не хотелось выходить на улицу и оставлять на других свою шерсть. Стоило дунуть ветру, как в воздухе начинал кружиться целый ворох пуха, а сам он становился похож на облезлую собаку с проплешинами на коже.

Находясь еще в детском возрасте, Сюн Мао заранее познал мучения лысеющего мужчины средних лет. Это заставляло его целыми днями сидеть в комнате. Стыдно было показаться на глаза — пусть уж лучше видит только Мо Цянь, тот по крайней мере от него не отвернется.

Но сегодня так нельзя. Он ведь человек, который ценит друзей, не так ли?

Забравшись в маленькую черную машинку, переоборудованную Лан Е — с возможностью регулировки высоты сиденья — он держал скорость низкой, чтобы ветер не сдувал слишком много шерсти. Игнорируя насмешливые взгляды дежурных солдат, мол, сегодня Унь-гэ совсем не кажется грозным, Сюн Мао добрался до небольшой рощицы у края Западного тренировочного полигона.

Там его уже ждал один солдат.

Этого солдата — он представился Цан Жанем — Сюн Мао запомнил как того самого новобранца, которому раньше подбросили пустую аптечку. С тех пор он время от времени приходил в свободную минуту поискать Сюн Мао, словно был уверен, что медвежонок обязательно придет, и пару раз им действительно удавалось встретиться.

Стоило Цан Жаню появиться, как Сюн Мао уже не мог практиковаться в ходьбе на задних

лапах. Но он не злился на него, ведь паренек рассказывал массу интересного. Это был настоящий болтун — Сюн Мао убедился в этом, ведь даже без ответа от своего слушателя-зверя тот с таким азартом вел рассказ, сопровождая его яркой мимикой.

Поначалу он жаловался на жизнь и пытался подбодрить самого себя, но вскоре его речи превратились в байки о жизни в армии и легенды о гарнизоне. Он все больше раскрывался перед Сюн Мао, становясь увереннее. Те самые негодяи, о которых он раньше отзывался с ненавистью, хоть и не стали его близкими друзьями, превратились в обычных сослуживцев, с которыми теперь можно было работать сообща.

Возможно, он просто нашел в себе силы, как говорил Мо Цянь, настоять на своем. Сюн Мао был рад за него и с гораздо большим удовольствием слушал все новые истории.

Больше всего медвежонка интересовали рассказы о военачальнике. Цан Жань поведал немало подвигов Мо Цяня: что-то было правдой, что-то вымыслом, но все сводилось к тому, какой Мо Цянь сильный, отважный и великий. Наслушавшись такого, Сюн Мао по возвращении домой смотрел на своего опекуна с обожанием. Мо Цянь, не понимая, что значат эти искрящиеся глаза, думал, что медвежонок опять хочет есть, и нес его пить молоко.

Заметив, что Сюн Мао проявляет интерес и реагирует на истории, Цан Жань стал выискивать еще больше легенд о генерале. Однажды, услышав упоминание об Олэиской розе, Сюн Мао вернулся домой и долго счастливо хмыкал в лицо Мо Цяню, заставляя того перепроверить медвежонка с головы до ног.

О сплетнях про то, как Фиби преследует Мо Цяня, Цан Жань не рассказывал — сам еще был юнцом и считал, что подобные разговоры неуместны в присутствии маленького существа.

Так они стали своего рода друзьями.

Иногда Цан Жань упоминал родную планету Инпэй, где живут в основном Стражи, рассказывал о семье, пейзажах и местной еде. Юноша, ушедший далеко от дома, всегда хранил о нем самые теплые воспоминания.

В прошлый раз, встретившись, он радостно сообщил Сюн Мао, что получил посылку из дома с традиционными деликатесами, и пригласил медвежонка сегодня прийти на угощение в знак благодарности за прошлую помощь. Он не был уверен, сколько понимает странный зверек, но уже изучил его график появления, а если не выйдет сейчас — получится в следующий раз.

Хотя планета Борг была отдаленной и закрытой военной базой, курьерская служба работала исправно, хотя и с небольшими задержками, а посылки проходили проверку. Для военных, кстати, действовала неплохая скидка.

Когда Сюн Мао добрался до рощицы, перед ним уже красовалось угощение.

Как бы это сказать... зрелище было на любителя.

Это называлось Цзасюн — еда из крахмалистых растений и рубленого мяса со специями, прошедшая через копчение. Цвет был слегка сероватым, вид не самый привлекательный, зато хранилось долго — иначе бы и не доехало.

Станным было не это, а сервировка. Цзасюн был аккуратно разложен на кусочки, выложенные в форме, а по краям обрамлен тонкими полосками пурпурно-красных листьев.

Цан Жань снова перешел в режим болтовни: — Я слышал в столовой, что ты привык к красиво оформленным блюдам, ведь ты боевой зверь военачальника! Ну и решил изучить основы сервировки, чтобы тебе было приятно жевать, верно? Как раз ломал голову, чем украсить, как вдруг отдел лесного хозяйства доставил партию новых саженцев. Говорят, это выведенный ими сорт: засухоустойчивый, быстро растет. Саженцы по два-три метра привезли. Я в этом не разбираюсь, но листья такие красивые, ярко-пурпурные, я их помыл и украсил наше блюдо. Ну как, выглядит круто?

Эх, парень, не знаю, где ты учился чувству прекрасного, но это же выглядит чертовски нелепо!

Если бы Сюн Мао умел говорить, он бы не удержался от комментария. К счастью, он молчал, сохранив хрупкую уверенность молодого человека в своем таланте.

Как бы то ни было, это подарок, и Сюн Мао не собирался проявлять неуважение. Он опустил голову и начал жевать кусочек Цзасюна. Вкус был странный, терпкий, а само лакомство — слишком сухим. Зубы еще не сменились до конца, жевать было трудно. И тут он почувствовал свежий, чистый аромат.

Запах исходил от пурпурных листьев. Сначала он казался незаметным, но чем больше он его втягивал, тем приятнее он становился. Казалось, будто аромат создан специально для его инстинктов, проникал глубоко в ноздри, в легкие, будоражил желудок, вызывая нестерпимое желание немедленно съесть этот лист.

Быстро проглотив остатки Цзасюна, он обернул язык вокруг пурпурного пучка. Ба! Именно это! Такое чувство, будто он искал этот вкус всю жизнь, каждая клеточка тела ликовала. У Сюн Мао возникло ощущение, что в этом пурпурном растении заключена его жизненная сила, источник его энергии.

— Эй, подожди, я не знаю, съедобно ли это! — Цан Жань занервничал, увидев, как он принялся за листья, но, заметив, что Унь-гэ не прекращает трапезу, успокоился. — Наверное, животные инстинктивно знают, что можно есть, а что нет.

Сюн Мао было уже не до него. В один присест он уничтожил все листья-украшения. Но этого было мало: даже доев весь Цзасюн, он чувствовал голод.

Я найду это растение и наемся досыта, подумал он.

Ему удалось выполнить задуманное, но кто бы мог подумать, что это станет началом катастрофы.

<http://bllate.org/book/19102/1876160>